

**Марченя
Павел Петрович —**

кандидат исторических наук, заместитель начальника кафедры философии Московского университета МВД России, доцент Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва

Баба и Смута: К мифу о «не женском лице войны» и прочих социальных бед

**Ключевые
слова:**

женщина,
баба, бабий
бунт, гендер,
Февраль 1917,
Октябрь 1917,
война, смута,
революция,
демократия

В центре внимания статьи находится проблема осмысления роли женщин и женского начала в смутах и революциях России, преимущественно на материалах Февраля – Октября 1917 г. «Баба» и «бабье» рассматриваются как исключительно значимый фактор массовых социальных процессов в «смутное время».

Почти все государства были разрушены из-за женщин.

Я. Шпренгер, Г. Инститорис

Титанов мысли и гигантов духа
До гибели доводит потаскуха.

Б. Брехт

Кухарке, конечно, было очень приятно: наконец-то нашлась такая родная ей, кухарке, партия, которая так хорошо поняла ее непонятую кухаркину душу. Цари ей говорили: вари борщ и не суйся не в свое дело. Наш Ленин сказал, он, родной, единственный догадался: «Кухарка должна уметь править государством»; ну как же не наш не родной, как же не гениальный.

И.Л. Солоневич

Борьба за войско развернулась самая энергичная и настойчивая, в особенности со стороны женщин-работниц, которые обращались непосредственно к солдатам, братались с ними, призывали их помочь народу свергнуть ненавистное им царское самодержавие.

История ВКП (б). Краткий курс.

1918 год в Петрограде
(Петроградская мадонна).
Худ. Петров-Водкин К.С.
1920. Государственная
Третьяковская галерея

Русской художественной и историософской традиции скорее свойственны идеализация и мифологизация «вечно-женственного начала» России и ее истории, чем стремление выявить подлинную роль женщин в тех или иных конкретно-исторических событиях — и в таком контексте на первый взгляд вполне органичной выглядит популярная поэтическая формула: «*У войны не женское лицо*». И как-то само собой предполагается, что у войны, как и у прочих социальных бед и катастроф, «лицо» должно быть непременно «мужским». Несмотря на то, что значительная часть исторических явлений катастрофического характера обозначается словами очевидно женского рода, те же самые: *война, катастрофа, беда...* а также *смута, революция, интервенция, реформа, перестройка...* и т.д. и т.п. — так что, пожалуй, даже чисто с лингвистической точки зрения, более оправданным выглядит подозрение, что во всяких подобных общественных «напастьях» и «стихиях» незримо присутствует определенно «не мужская» физиономия — истерики, паники, брани, разрухи, нищеты, болезни, смерти... В этой связи необходимо заметить, что современной исторической мысли явно недостает рационального осмысления огромной — и весьма своеобразной — роли женщин и женского начала вообще в различных системных деструкциях истории — на всех ее уровнях и во всех «подробностях».

Настоящая статья касается лишь некоторых аспектов этой объемнейшей проблемы, ограничиваясь краткой версией авторского варианта постановки вопроса о месте и роли *бабы* и *бабьего* в русской смуте и революции 1917 г. Несмотря на обширные массивы разноплановой литературы, поскольку статья не носит историографического характера, и в силу форматных особенностей журнала, перечень этой литературы приводить не будем, посвященной проблеме гендерной структуры революции и специфике женского в ней участия, ее (революции) «бабья личина» остается на периферии истории — остающейся преимущественно «мужской».

Причем особо подчеркнем: речь в этой статье пойдет не о роли женских личностей в истории революционной эпохи — не

об известных женщинах, прямо или косвенно, через своих мужей и других мужчин повлиявших на ход истории, хотя это тоже, безусловно, способно стать темой самостоятельного исследования. Достаточно привести лишь один пример: возможно, если бы последней русской императрицей — «царственной половиной» несостоятельного «Царя-Батюшки» Николая II — была не его ненавистная народу за явно неадекватное поведение «Александра Федоровна» — урожденная Алиса-Виктория-Елена-Луиза-Беатриса Гессен-Дармштадтская (Victoria Alix Helena Louise Beatrice von Hessen und bei Rhein), а более отвечающая роли «Царицы-Матушки» особа — никакой смуты и революции в Российской империи и вовсе бы не случилось. Не будем также и о феминистическом движении и о связанных с ним «революционерках», посвятивших себя борьбе за победу своего странного дела — об этом и без того немало уже написано. Заметим лишь кстати, что даже сочувствующие революции и женскому в ней участию историки нередко оценивают это участие и самих участниц скорее негативно — и не только в традиционно тяготеющей к патриархату России. Так, историк Великой Французской революции, «галантный галл» Адриан Лассер выразил такое отношение следующим «политкорректным» образом: «Внимательно изучив женские персонажи, я пришел к убеждению, что их поступки были в общем скорее вредны, чем благоприятны для революционного прогресса. Чтобы убедиться в этом, достаточно приглядеться к портретам в их галерее, которая не представляет собою святилища, и остановиться перед теми, роль которых была вполне очевидна, не вникая далее в их деятельность и не подводя ей итоги» [7]. И даже о сложившемся в ходе подготовки и осуществления революции специфически «героическом» *типе женщин* — активных «бойцов» революции, явных террористок и прочих «бескорыстных убийц» [5] и им подобных, весьма любопытных, типажей своего времени — тоже не будем. Речь же пойдет, в первую очередь, о так называемой «*простой русской бабе*». И о «*бабьем*» — как исключительно значимом факторе массовых со-

циальных процессов в смутное время России — 1917. Хотя, разумеется, не только в России. Как справедливо подчеркивал тот же самый Лассер, именно женщины «...были наиболее воодушевленным элементом среди массы в общем народном движении» [7].

О «*вечно бабьем*» в русской душе» [1] много размышляли отечественные философы и писатели. Даже ставшую хрестоматийной «всемирную отзывчивость» русских, их недоступную пониманию иностранцев «всеосприимчивость», способность перенимать и перевоплощаться, их «любопытство к иностранному» принято относить к «феминному компоненту». Так, по образному выражению Г.Д. Гачева, «...это все — заманивание: русская баба-вампир себе на уме, заманивает его — чтоб на своей территории, на своем теле страсть от него испытать, а его укокошить, всосать, растерзать, убить как амазонки и вакханки» [3, с. 271–272]. А отдельные зарубежные исследователи (например, Д. Ранкур-Лаферье [D. Rancour-Lafertiere]) даже и саму «любовь-ненависть» русских к России предлагают именовать не «*патриотизмом*», а «*матриотизмом*» [см.: 14, с. 112], подчеркивая доминирование женского над мужским в российской истории и культуре.

Однако, с конкретно-исторической точки зрения, функция «бабьего» в реальной психологии русской истории вообще и русской смуты, в частности, — осмыслена пока весьма слабо. В том числе, таким образом поставленная проблема остается чуть ли не «белым пятном» историографии всей пресловутой «Февральской демократии», несмотря на то, что последняя, по сути, ведет свое происхождение как раз с «*бабьего бунта*». А, как метко подметил В.П. Булдаков — один из немногих наших историков, пытавшихся уловить реальный смысл «бабьего» в «Красной смуте»: «...на Руси там, где бабий бунт, там тиши пропаго» [12].

И, пожалуй, не будет большим преувеличением сказать, что «бабье участие» в российской истории от Февраля к Октябрю было одним из факторов, которые в значительной степени и определили сюрреализм «российского народовластия» образца 1917-го, фиктивный характер «самой демократической в мире демократии» в целом и об-

шую динамику ее социокультурного и политического крушения.

Необходимо научное осмысление того факта, что в условиях, когда слились в невиданном ранее резонансе эпохальные катаклизмы мировой войны, модернизации, революции, падения монархии, кризиса православия, потери «почвы», тотального ценностного шока — русские «бабы» впервые в отечественной истории были допущены к участию в политике. И впервые в российском политическом процессе, как торжествующе хвасталась радикальная «демократическая» пресса, голос любой неграмотной бабы — голос «каждой работницы, каждой кухарки, прачки, судомойки...» вдруг оказался «равен голосу капиталиста, профессора, чиновника...» («Правда» от 29 июля 1917 г.). Но проблемы возникли отнюдь не только в смысле избирательного права. По ходу принявшего антисистемный, всенародно-погромный характер бесконтрольного, обвального «развития революции» и «демократии» — в условиях суицидального продолжения участия России в мировой войне — рост удельного веса женщин в гражданском населении и патологические изменения гендерных пропорций в различных сферах социальной практики активно способствовали эскалации девиантных форм поведения не только на фронте, но и в тылу. Невыносимая ситуация в стране и отчаянная тоска по мужику способствовали беспрецедентному вовлечению женщины в различные формы социальной агрессии, погромы, линчевания и т.п., делали ее легкой добычей демагогов. Женский вариант народных архетипических черт еще менее мужского (и без того бесконечно далекого от вестернизированной «демократии», устроенной себе на погибель оставшейся «без царя в голове» постфевральской интеллигенцией) соответствовал заемной либеральной альтернативе, но оказался даже более отзвучив к инверсионной агитации радикалов, обещавших немедленно решить все проблемы, вернуть мужиков с фронта и указывавших на тех, «кто во всем виноват». Давно и справедливо подмечено, что «женщины ни в чем не знают середины: они или намного хуже, или намного лучше мужчин» (Жан де Лабрюйер).

Народный фольклор сохранил шуточные по форме, но, как по-

казала история, нешуточные по смыслу предостережения от увлечения женщин «демократами». Газета «Дело» от 23 августа 1917 г. признала актуальными такие, например, частушки:

Не ходите вы, девчонки,
С демократами гулять:
Демократы вас научат
Прокламации читать...

Начитавшись (а скорее, наслушавшись) прокламаций и прочей пропаганды различных политических партий, вконец дезориентированные женщины в лучшем случае заявляли: «Мы за ту партию, которая войну кончит...» [19]. Очень редко женщины действительно решали заняться политикой, чаще — «мужские» политические игры вызывали у «нормальной бабы» только брань. Как сформулировал Владимир Маяковский:

Что бабе масштаб грандиозный наш?!

Бабе грязью обдало рыло,
и баба,
взбираясь с этажа на этаж,
сверху
и меня
и власти крыла.

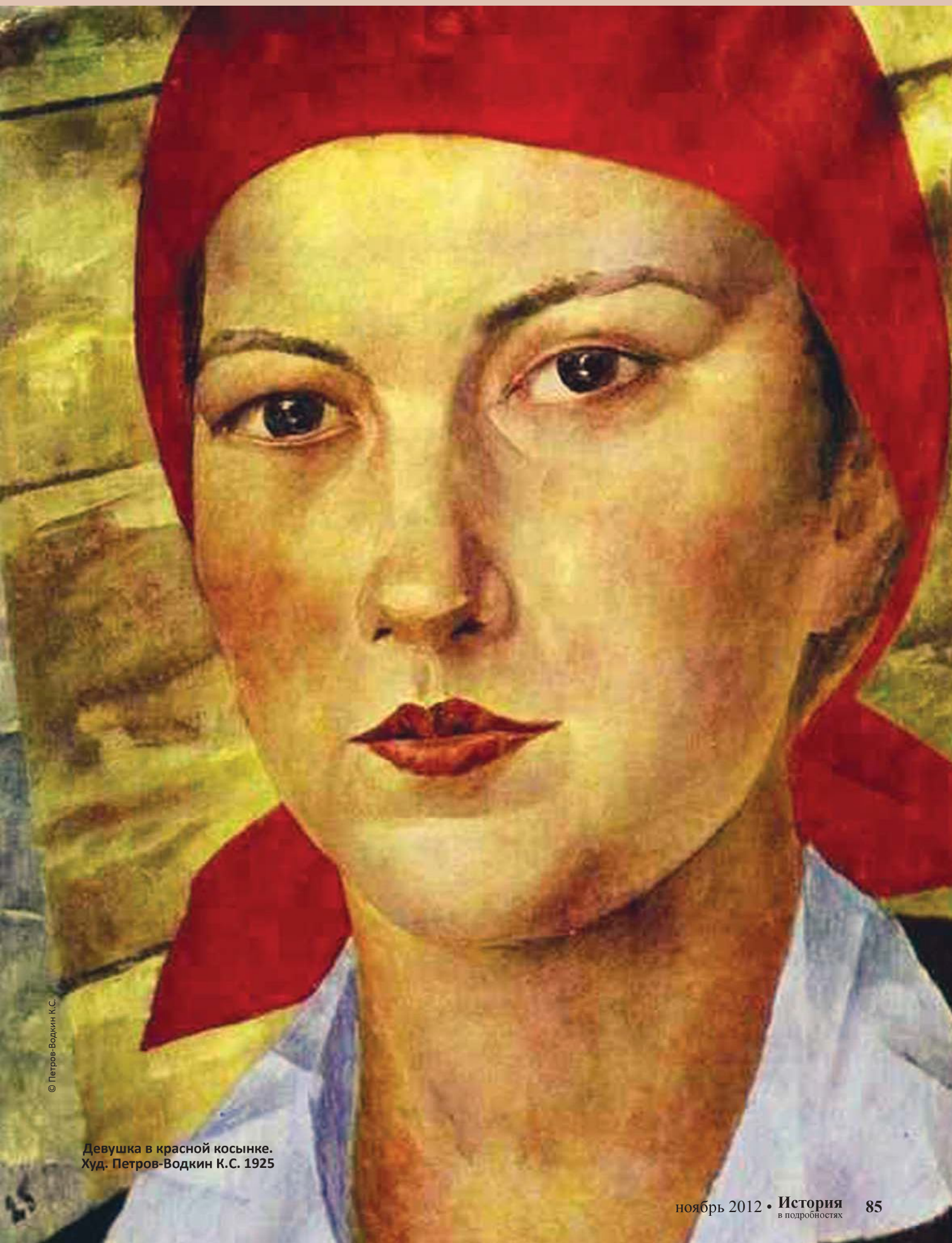
Ну а в худшем — и, к сожалению, весьма распространенном — случае, именно «политически» активные бабы становились актором «массовизации» и «охлократизации» социально-политического процесса, детонатором и катализатором насилия и провокатором всевозможных коллективных девиаций.

Женский вклад в российскую «демократию» сыграл далеко не последнюю роль в актуализации негативных сторон народной ментальности. Как известно, «женщина» (по выражению Макса Шелера, «более слабая, поэтому более мстительная женщина, вынужденная вследствие своих личных, не поддающихся изменениям качеств постоянно вести конкурентную борьбу со своими подругами за расположение мужчин» [18, с. 38]) является одним из основных репрессивных типов. И тип этот (выражающий озлобленное, мстительное переживание тщетности попыток изменить свою жизнь к лучшему — сублимирующееся в особого рода мораль) исключительно важен для осмысления психологии масс, особенно в условиях революционного хаоса. Кроме того,

психологи уже давно уловили, что «женственность» вообще имманентна массовому сознанию как таковому. Так, например, еще Гюстав Лебон писал, что массовое сознание «знает крайние чувства или глубокое равнодушие. Оно страшно женственно и, как всякая женщина, отличается полной неспособностью владеть своими рефлекторными движениями. Оно беспрерывно колеблется по воле всех ветров внешних обстоятельств...» [цит. по: 11, с. 19]. А ведь именно массовое сознание и было доминантой политической истории тектонического всероссийского сдвига — от химерической «демократии» — к реальной диктатуре. И «бабы» сыграли в этой истории далеко не последнюю роль.

В.В. Розанов свое художественно-гендерное понимание особенностей русской революции (еще по событиям 1905–1907 гг.) выразил так: «В революции русская баба пошла на мужика. Мужик — трезвен, живет в работе, мужик — практик. Баба сидит у него за спиной и все воображает, живет истомами сердца и "мечтами, которые слаще действительности"... Вся революция русская — женственная, женоподобная; в ней есть очень много "хлыстовщины", и хлыстовщина-то и сообщает ей какой-то упорный, не поддающийся лечению и искоренению, характер, пошиб. Баба-революция пошла на мужика-государство: Уленька восстала, с истерикой и слезами, на "Мертвые души", на своего папашу-генерала, на Чичикова, на всех... Бабы — не государственники; и оттого русская революция не выдвинула ни одного государственного ума, государственной прозорливости, государственной умелости. Она вся — только сила, только порыв: без головы. Вся статья бабья».

По мнению писателя, «в основе всего лежит христианский сентиментализм, тот сентиментализм, который не переносит самого вида жесткой государственности, этого наследия Рима. Революция все хочет вернуть к какой-то анархии "доброты" и бесформенности старого Востока; по крайней мере наша русская, "хлыстовская" революция — тянет к этой восточности, несмотря на ссылки — для приличия — на Маркса. Она очень мало созидательна. Она более всего разрушительна. Она не хочет жестких

© Петров-Водкин К.С.

Девушка в красной косынке.
Худ. Петров-Водкин К.С. 1925

углов, твердых граней, крепких линий. Ничего мужичьего. Она хотела бы оставить один "быт" без всякого "государства"; оставить то, что не задело бы шероховатостью своею, своей щетинкой, ни Уленьку, ни Соню Мармеладову, ни пьяненького папашу этой Сони... Иногда думается, что революция наша тянет не к усовершенствованному заводско-фабричному строю Запада: это — только соус, предлог и оправдание "бомб". "Хлеб насущный" не в этом. Заветная цель всех "бомб" — великий Китай, с отвлеченно-невидимым "богдыханом", с анархией провинций, где "всякий сам барин", с безобразной и в сущности ненужною администрацией, — и где люди только плодятся и пашут. Вот когда Уленька сядет в такую теплую кашу — революция прекратится. Нужно сказать полнее: когда Уленька начнет плодить детей, и революция прекратится. А пока жестко — она остается девственна: она будет чувствовать себя как у хлыстов их "богородицы"; и пока она будет такова — она не перестанет подымать бомбы» [13, с. 261]. По этому поводу Н.А. Бердяев уже самого Розанова обвинил в «бабьем» (которое сблизил с «рабим») и высказался так: «...и страшно становится за Россию, жутко становится за судьбу России. В самых недрах русского характера обнаруживается вечно-бабье, не вечно-женственное, а вечно-бабье. <...> И это "бабье" чувствуется и в самой России» [1, с. 48, 52, 44, 45].

Так или иначе, но голос бабы не был вовремя услышан — и в результате стал для грянувшей русской революции чем-то вроде лейтмотива, напоминавшего заглушающий шепот разума рев «валаамовой ослицы» (причем в обоих смыслах этого слова — и как предельно молчаливого и покорного человека, который неожиданно для всех вдруг посмел высказать свое, отличное от других, мнение — и как предельно упрямой, неумной и неграмотной женщины).

Известно, что весь «роковой» период отечественной «демократии» от Февраля к Октябрю — как бы «обрамлен» двумя противоположными по знаку, но созвучными по аномальности символическими актами женского участия в политической истории России: «23 февраля, в Международный женский день [по ст. ст. — П. М.], ког-

да женщины-работницы и жены солдат заполнили улицы Петрограда, и в финальном акте, когда в октябре так называемый Женский батальон принимал участие в защите Зимнего дворца и Временного правительства» [16].

По поводу начальных событий Февраля И.Л. Солоневич в работе со знаковым наименованием «Диктатура импотентов» подчеркнул, что вообще вся революционная столица России — «как истерическая баба» [15, с. 282] — стала не местом организации социального согласия, а средоточием разжигания дурных страстей. А в работе «Великая фальшивка февраля» записал буквально следующее: «В феврале 1917 года *никакой* революции не было: был бабий хлебный бунт...» [15, с. 35]. Писатель свидетельствует: «23 февраля 1917 года был "Международный женский день", кое-как использованный большевиками: чухонские бабы вышли на улицы Выборгской стороны и начали разгром булочных. Так что если следовать по стопам некоторой части нашей публицистики и из всех звеньев русской революции выбрать одно — по вкусу и усмотрению своему, то можно сказать и так: русскую революцию начало чухонское бабье». [15, с. 85–86].

...В СОЦИАЛЬНЫХ ЯВЛЕНИЯХ МАССОВОГО ПОРЯДКА ПОБЕЖДАЮТ ТЕ СИЛЫ, НА СТОРОНЕ КОТОРЫХ ОКАЗЫВАЮТСЯ ЖЕНЩИНЫ.

«В феврале месяце Петроград представлял собою пороховой погреб, к которому оставалось поднести спичку. Роль этой спички, или детонатора, или "случая" — называйте как хотите — пришла на долю чухонских баб. Так что при добром желании историю Февраля можно средактировать так: в Февральской революции виноват А. Керенский. Но можно средактировать и иначе: Февральскую революцию сделала чухонские бабы Выборгской стороны». [15, с. 84]. С горькой иронией подводя итоги фальшивого «Великого Февраля» — и по «революционным вождям», и по «революционным бабам», Солоневич резюмировал: «Разные люди играли разную роль. Основ-

ной пружинной революции был, конечно, А.И. Гучков. Основной толчок революции дали, конечно, чухонские бабы. Чухонские бабы не имели, конечно, никакого понятия о том, что именно они делают. Горькая ирония истории заключается в том, что А.И. Гучков понимал никак не больше чухонских баб» [15, с. 87].

А западный исследователь феминистского движения в русской революции Ричард Стайтс описывает те же события так: «Первый эпизод революции начался с беспорядков в столице 23 февраля, в день, который, начиная с 1913 года, периодически отмечался в России как Международный женский день. Вскоре после этого Питирим Сорокин записал в своем дневнике: "Если будущие историки захотят узнать, кто начал русскую революцию, то им не следует создавать запутанной теории. Революцию начали голодные женщины и дети, требовавшие хлеба. Они начали с крушения трамвайных вагонов и погрома мелких магазинчиков. И только позже, вместе с рабочими и политиками, они стали стремиться к тому, чтобы разрушить мощное здание русского самодержавия". Для опровержения простых истин, сохранившихся в этом утверждении, было написано несколько впечатляющих исследований. И все же, по существу эта идея верна. Нам никогда не удастся измерить глубину желаний работниц и масс в целом "разрушить" самодержавие, но все-таки они его разрушили. Показывая своим примером, чаще всего случайно, безнаказанность массовых гражданских беспорядков, они тем самым продемонстрировали безнадежную неспособность правительства обеспечить порядок в самом средоточии своей власти» [16].

Власть, как обычно это происходит в начале очередной русской смуты, продемонстрировала полное непонимание механизмов массового сознания и вопиющую слепоту в отношении собственного народа. Тем не менее, бабий бунт был предсказуем — и его можно было избежать. Опасность сложившейся ситуации накануне февральских событий — в том числе, и в таком — специфически «женском вопросе» — до власти тщетно пыталась донести и Охранка. Так, начальник Петроградского охранного отделения К.И. Глобачев в конце января 1917 г. предупреждал

(в официальном докладе директору Департамента полиции): «... матери семей, изнуренные бесконечным стоянием в хвостах у лавок, страдавшие при виде своих полуголодных и больных детей, пожалуй сейчас гораздо ближе к революции, чем г.г. Милуковы, Родичевы и К°; и, конечно, они гораздо опаснее, так как представляют собою тот склад горючего материала, для которого достаточно одной искры, чтобы вспыхнул пожар. <...> И эти массы — самый благодарный материал для всяческой, открытой или подпольной, пропаганды...» [4, с. 378; 6, с. 11].

В конце концов, в начавшихся, благодаря самоубийственному попустительству властей, «революционных» беспорядках, главным субъектом которых были опьяненные «демократией» (и опьяненные не только в переносном смысле [9]) толпы, именно бабы играли совершенно особую — «толпообразующую» и толповдохновляющую — роль.

Во-первых, бабы, очень часто выступая самыми активными и агрессивными участниками толпы, являлись, как правило, еще и ее основным эмоциональным катализатором — и уже самим фактом своего участия выполняли функции провокации, подстрекательства, поощрения мужиков на все более и более радикальные действия, заражали их психопатическими реакциями, нагнетали особую атмосферу «бабской» истерии и всеобщего умопомрачения, стимулировали общую психопатологию смуты.

Во-вторых, как давно исследовано специалистами по психологии толпы, даже просто «присутствие в толпе женщин и детей... плохо еще и потому, что звук высокой частоты — женские или детские крики — в стрессовой ситуации оказывает разрушительное влияние на психику» [10, с. 71, 72]. Весь звуковой ряд смуты — скорее женский, нежели мужской: это, прежде всего, не мужицкий

гомон, а бабий визг. Да и визуальный образ смуты и революции точнее передает все-таки не расхристаный мужик, а баба с голой грудью — и как призыв мужских масс на баррикады во имя жен и матерей, и как манящий символ хмельной «революционной» вседозволенности.

В-третьих, представляя собой идеальную питательную массу для стихийного формирования, эмоциональной подзарядки и раскачивания амплитуды эпидемического разгула толп, зажигательное сырье для хулиганствующей охлократии и праздничный магнит для измученных воздержанием и адскими фронтовыми буднями солдат и матросов, бабы, в большинстве своем еще более чем мужики, «темные» в вопросах политики, были более отзывчивы — как на запугивание, так и на пустые обещания — и являлись идеальным объектом для манипуляции, демагогии и всевозможных форм политической и политиканской суггестии.

Демонстрация работниц Путиловского завода в первый день Февральской революции 23 февраля 1917 г. (Международный женский день, по ст.ст.). Государственный музей политической истории России

Раскрепощенная женщина — строй социализм!
Худ. Страхов-Браславский А. Плакат. 1926

В-четвертых, бабы, пользуясь относительной (обусловленной самой половой принадлежностью, здоровым мужским инстинктом и культурными табу) безнаказанностью своих противоправных и подстрекательских действий, служили незаменимым медиатором между революцией и войсками. И в том, что войска переходили на сторону революции, основная заслуга, как правило, принадлежала именно бабам. Их роль вообще трудно переоценить в типичной ситуации, когда «...маршевые батальоны автоматически ставились в очень неудобное психологическое положение: стрелять в голодных баб? Одно дело — со-

циалисты и революционеры, другое дело — бабы, которым, может быть, дома детишек кормить нечем» [15, с. 89]. Зная толк в работе с массами Л.Д. Троцкий с удовлетворением отметил: «Большую роль во взаимоотношениях рабочих и солдат играют женщины-работницы. Они смелее мужчин наступают на солдатскую цепь, хватаются руками за винтовки, умоляют, почти приказывают: "Отнимите ваши штыки, присоединяйтесь к нам". Солдаты волнуются, стыдятся, они тревожно переглядываются, колеблются, кто-нибудь первым решается, и — штыки виновато поднимаются над плечами наступающих, застава

разомкнулась, радостное и благодарное "ура" потрясает воздух, солдаты окружены, везде споры, укоры, призывы — революция делает еще шаг вперед» [17, с. 128].

Ну и наконец, бабам принадлежит решающая роль в характерном для смуты общесоциальном смещении «границ дозволенного» все дальше и дальше, за «точку невозврата». Их участие в массовом насилии и всеобщем «крушении устоев» было более заметным — и более знаковым (по сравнению с куда более «традиционным» мужским насилием) — и делало это крушение необратимым, отменяющим саму гипотетическую возможность эволюционной альтернативы революции. По меткому замечанию В.П. Булдакова, «ужасают не масштабы насилия, а то, что оно вызывало удовлетворение у женщин. Это и есть важнейший показатель психопатологического вырождения революции» [2, с. 122].

Таким образом, «бабье» начало революции в известном смысле предопределяло ее катастрофическую направленность, делало неизбежными ее трагические для всего народа последствия. «Феминный компонент» общей динамики вырождения «революционной свободы» в России 1917-го гениально схватила Марина Цветаева:

Из строгого, стройного храма
Ты вышла на визг площадей...
— Свобода! — Прекрасная Дами
Маркизов и русских князей.
Свершается страшная спевка, —
Обедня еще впереди!
— Свобода! — Гуляющая девка
На шалой солдатской груди!

В известной далеко за пределами Петрограда газете «Речь» (от 13 сентября 1917 г.) делалась, например, и такая аутентичная попытка еще тогда обобщить тему «бабьего» в революции, увязав эту тему с психологией большевизма в целом: «В основе своей нарастающий большевистский бунт есть бабий бунт, восстание против власти, не дающей молока, движение озлобленной обывательщины...». Разумеется, проблема куда сложнее и неоднозначнее, чем в приведенной цитате. И нет никаких оснований всецело доверять кадетскому органу печати, по понятным причинам не склонному к позитивной оценке политической активности ни большевиков, ни «баб». Но и отмахнуться от поставленной проблемы было бы нечестно для историка,

искренне пытающегося воссоздать историю в подробностях.

Об огромной роли «баб» и «бабьего» в различных «революционных» девиациях и «эксцессах» (уличных беспорядках, погромах, линчеваниях и прочих формах массового насилия «смутного времени») свидетельствуют и серьезные документы. Так, в экспертных аналитических обзорах важнейших правонарушений Главного управления по делам милиции МВД Временного правительства по поводу так называемых «продовольственных эксцессов» (под которыми подразумевались банальные погромы), подчеркивается: «...характерной чертой всех продовольственных эксцессов является **преобладающая роль в них женщин** [здесь и далее выделено автором. — П. М.]. Женщины не только составляют необходимый и важный элемент в толпе, производящей беспорядки, но сплошь и рядом являются инициаторами продовольственных эксцессов... призывают к насилиям и погромам, поощряют и возбуждают солдат к разгромам и хи-

щениям... **Во многих случаях эксцессы совершаются толпами, состоящими исключительно из женщин**» [20].

На таком историческом фоне мужененавистническая по сути установка «У войны не женское лицо» выглядит гораздо дальше от жизненных реалий, чем женофобская библейская констатация: «*Всякая злость мала по сравнению со злостью жены*» [Сирах 25:21]. Хотя разудалые солдаты и матросы «демократии» образца 1917-го неосознанно предпочитали первый вариант — однако в его куда более жизнеутверждающей редакции, простонародно вывернутой на рифмованную изнанку военной прозы: «*Без баб и вина и война не нужна*» [12].

И в заключение подчеркнем следующее. Автор ни в коей мере не относит себя к женоненавистникам (скорее наоборот: пожалуй, приведенная солдатская поговорка, во всей своей грубой фронтовой правде, еще даже и недостаточно радикальна — без женщин мужчинам очень скоро опротивели бы не только войны и революции, но и сама жизнь). И все выше сказан-

ное вовсе не означает, что женский гендер русской революции исчерпывается лишь изоморфностью толпе, нагнетанием истерического градуса всенародной смуты и провокацией мужчин на бессмысленное и беспощадное массовое насилие. Есть и обратная сторона.

Женщины, по природе своей менее склонные к поискам рационального смысла и рефлексивному контролю над собственными рефлексорными действиями, как правило, обладают развитым инстинктом самосохранения, размножения и выживания потомства — и редко ошибаются, интуитивно выбирая сторону победителя.

Или, напротив, в социальных явлениях массового порядка побеждают те силы, на стороне которых оказываются женщины. И из всех конкурентоспособных политических сил России удачнее всех особенностями женской психологии русской смуты воспользовался большевизм. Как признал сам его вождь: «Из опыта всех освободительных движений замечено, что успех революции зависит от того, насколько в нем участвуют женщины» [8, с. 186].

Источники

1. Бердяев Н.А. Судьба России. Опыт по психологии войны и национальности // Бердяев Н.А. Падение священного русского царства: Публицистика 1914–1922. М.: Астрель, 2007. С. 15–206. (О «вечно бабьем» в русской душе. С. 43–52. [Впервые опубли.: Биржевые ведомости. Пг., 1915. № 14610–14612. 14–15 января]).
2. Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 1997.
3. Гачев Г.Д. Русский Эрос: «Роман» Мысли с Жизнью. М.: Интерпринт, 1994.
4. Глобачев К.И. Правда о русской революции: воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения. М.: РОССПЭН, 2009.
5. Женщины-террористки в России: Бескорыстные убийцы. Ростов н/Д: Феникс, 1996.
6. Игумнова З.П. Женщины Москвы в годы гражданской войны. М.: Моск. рабочий, 1958.
7. Лассер А. Коллективное участие женщин в Великой Французской революции. СПб: типография И.Г. Брауде и К^о, 1907 // *Vive Liberta*: Великая Французская революция: протестные, революционные и национально-освободительные движения. Революция женского рода [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://vive-liberta.narod.ru/revol_fem/lasser_1.htm.
8. Ленин В.И. Речь на I Всероссийском съезде работниц 19 ноября 1918 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 37. М.: Политиздат, 1969. С. 185–187.
9. Марченя П.П. «Зеленый змий» на службе «Красной смуты»: алкоголь и пьяные погромы от Февраля к Октябрю 1917-го // История в подробностях. 2010. № 4. С. 30–42.
10. Назаретян А.П. Агрессивная толпа, массовая паника, слухи. Лекции по социальной и политической психологии. СПб.: Питер, 2004.
11. Ольшанский Д.В. Психология масс. СПб: Питер, 2001.
12. Разница во времени: «Любить порусски»: (Любовь и секс на полях Первой мировой войны сквозь призму военной цензуры): [Радиопередача] / [В. Тольц, А. Астахов, В. Булдаков] // Радио Свобода: [Программы: История и современность]: [Запись радиозвонка от 1 марта 2000 г.]: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://archive.svoboda.org/programs/TD/2000/TD.030100.asp>.
13. Розанов В.В. Л. Андреев и его «тьма» // Розанов В.В. О писательстве и писателях. М.: Республика, 1995. С. 255–261.
14. Рябов О.В. «Матушка-Русь»: Опыт гендерного анализа поисков национальной идентичности России в отечественной и западной историографии. М.: Ладомир, 2001.
15. Солоневич И.Л. Великая фальшивка февраля. М.: Алгоритм, БСК, 2007.
16. Стайтс Р. Феминистское движение и большевики // Гендерная реконструкция политических систем. СПб.: Алетейя, 2004. С. 300–318 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.owl.ru/win/books/genderpolicy/stites.htm>.
17. Троцкий Л.Д. История русской революции: В 2 т. Т. 1: Февральская революция. М.: Терра; Республика, 1997.
18. Шелер М. Ресентимент в структуре моралей. СПб.: Наука, 1999.
19. Воспоминания крестьянки Самарской губернии М. Хамелевой // Истпарт Самарского губернского комитета РКП (б) // СОГАСПИ (Самарский областной государственный архив социально-политической истории). Ф. 3500. Оп. 1. Д. 218. Л. 104.
20. Обзоры Главного управления по делам милиции, составленные на основании донесений губернских комиссаров Временного правительства по темам: аграрное, рабочее и национальное движения, за период с 1 марта по 15 августа 1917 г. // Главное Управление по делам милиции и по обеспечению личной и имущественной безопасности граждан МВД Временного правительства, 1917 г. // ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 1791. Оп. 6. Д. 401. Л. 171.